

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Оформление серии *А. Старикова*

Булатова, Татьяна.

Б90 А другой мне не надо / Татьяна Булатова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Доч-
ки-матери. Проза Татьяны Булатовой).

ISBN 978-5-699-98176-2

Можно ли всю жизнь хранить верность одному человеку?
Ни разу не изменить, не поддаться страсти?

Анатолий и Анна Гольцовы были уверены, что мож-
но. Глядя на них, и окружающие не сомневались: настоящая
любовь существует не только в книгах. Вон, у людей уже сын
взрослый, не сегодня завтра внуки появятся, а они смотрят
друг на друга влюбленными глазами, как в медовый месяц.

Но счастье, как известно, — материя хрупкая, и разрушить
его проще простого, все равно что чашку уронить и разбить.

Правда, чашку можно склеить. А вот можно ли склеить
судьбу? Чтобы все стало как прежде? Да и с чашкой все непро-
сто: склеить-то ее — дело техники, только получится ли пить из
нее чай? Время покажет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Федорова Т.Н., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98176-2

Семье Гольцовых завидовали и многократно желали: «Чтоб им жизнь маслом не казалась!» Иначе где справедливость? Одним — все, а другим — ничего. Те, которым «ничего», подозревали Гольцовых во всех тайных грехах и с удовольствием указывали на недостатки ремонта: «плинтус отошел», «наклеено криво», «тон не тот», «нормальные люди разве так делают?». Вырвавшись на волю из гольцовской квартиры, завистники, а по совместительству «друзья дома» единодушно выносили вердикт: «Это при таких-то деньжищах! Могли б и дизайнера нанять».

А у Гольцовых денег на хорошего дизайнера не было. Денег вообще не было. Точнее — их было столько, чтобы поддерживать более или менее достойное существование: одна поездка в год за границу, две-три — в Москву, абонемент в бассейн для каждого члена семьи... ну, и по мелочи. Просто Гольцовы не жаловались и молча

платили свои многочисленные потребительские кредиты, успокаивая себя тем, что они владеют другим богатством. «Это любовь!» — становился серьезным сентиментальный Толя и с обожанием смотрел на свою Аню. А Аня — на него.

«Филемон и Бавкида!» — восклицала Толина теща и многозначительно поглядывала на внука, далекого от античной мифологии. Тот не реагировал. «Петр и Феврония», — взгляд ее становился все более красноречивым. «Отстань от него, мам, — посмеивалась Аня. — Он неграмотный». — «Ага, — соглашался с матерью Игорь. — Я неграмотный. Но ничего ужасного в том, что я не знаком ни с Филемоном, ни с Бавкидом, нет. Это можно организовать в любой момент...» Последние слова вселяли суеверный страх в сердце бабушки, бывшего библиотечного работника, и заставляли волосы на ее голове шевелиться. «А что такого-то? — удивлялся бабкиной реакции внук. — Заходишь «ВКонтакте» и задаешь: «Бавкид». — «Бавкида...» — автоматически исправляла его Людмила Дмитриевна, и в ее глазах отражалась печаль. «Какая разница!» — пожимал плечами Игорь. «Большая, балбес», — смеялась Аня и, отвернувшись от сына, сначала смотрела на мужа, потом на мать и шепотом по слогам произносила: «У нас — лю-бовь».

«Лю-бовь?» — так же шепотом, вытаращив глаза, переспрашивала Людмила Дмитриевна. «Лю-бовь, — строго подтверждал Толя и, указы-

вая глазами на дверь, дополнял: — Теперь у нас не дом, а юдоль страданий». — «Нет, Толечка, — волновалась Людмила Дмитриевна. — Ваш дом не юдоль страданий, ваш дом — приют любви». «Точно», — соглашался с тещей романтично настроенный Толя, а Аня морщилась и мечтала, чтобы мама ушла домой, мужа отправили в полугодовую командировку (вдруг повезет!), а Игорь уехал в Москву вслед за таинственной Леночкой, поклонницей спорта и здорового питания. Впервые за столько долгих лет Анна Викторовна Гольцова хотела другой жизни.

* * *

— Представляешь, Жан, вот смотрю на него и еле сдерживаюсь, чтобы не дать по рукам и не заорать: «Хватит меня трогать!»

— Правда, так надоел? — заинтересовалась Жанна Мельникова, забыв стряхнуть пепел с сигареты.

— Правда, — выдохнула Аня и, заложив прядь русых волос за ухо, заискивающе посмотрела на подругу: — Осуждаешь?

— Я? — ухмыльнулась Жанна. — Не просто не осуждаю, со-чув-ствую! Я, Ань, если честно, не понимаю. Тебе сорок три года, а ты до сих пор — в девках.

Анна быстро поняла, куда клонит приятельница, и сразу пресекла разговор:

— Мне это не нужно.

— А мне вот нужно! — объявила Жанна и загрустила: — Я на своего смотрю и думаю: «Где мои глаза были?» А ведь я, Анька, его любила. Как дура. Что ни скажет, все делала. Даже аборт. Потому что Коля сказал: «Пока рано. Давай поживем для себя». А потом поняла: на фига? Все равно никто не ценит.

— А по-моему, очень даже ценит, — как-то неуверенно произнесла Аня, и перед глазами замаячил образ чужого мужа в очках и с интеллигентной лысиной, загоревшей под солнцем садового участка.

— Много ты знаешь. — Жанна была непримирима. — Во-первых, Колян не мальчик. Это твоему сорок пять, а моему-то — посчитай, сколько. Двадцатку сразу накидывай: пенсионэр. Пен-си-о-нэр! — Мельникова подняла вверх указательный палец и прислушалась к звучанию произнесенного по слогам слова.

— Он по паспорту пенсионер. — Аня с готовностью вступилась за Николая Николаевича. — А душой и телом Гольцову фору даст. Зимой — лыжи, весь год — бассейн, летом — дача. Все время делом занят. За собой следит... Лишнего куска копченой колбасы не съест, потому что вредно.

— Много ты знаешь! — усмехнулась Жанка и передразнила подругу: — «Душой и телом!» Ты бы вот меня спросила, когда у нас с ним это было. Хочешь, скажу?

— Нет, — Аня смутилась.

Невзирая на то что с Жанной они общались не менее семи лет, с того самого момента, как оказались соседями по дому, обсуждать с ней вопросы интимного свойства она не любила, потому что комментарии Мельниковой всегда были пошлыми и вызывали чувство неловкости. «Не бери в голову, бери — в рот», — советовала Жанна и гордилась собой, потому что, уверяла она всех, ей была присуща особая смелость раскрепощенного человека. «Я не ханжа. Что есть, то и говорю», — объявляла она во всеуслышание и обязательно вплетала крепкое матерное словечко в свою речь, считая использование обценной лексики своей визитной карточкой. Окружающие к Жанкиным выкрутасам привыкли, перестали делать ей замечания, и только Аня Гольцова вводила категорический запрет на использование мата в своем доме: «У нас так не принято!»

«У вас много чего не принято», — бурчала Жанка, но Аню слушалась, потому что знакомством с Гольцовыми по-своему гордилась и при случае ссылалась на дружбу с ними, особенно в кругу своих приятелей по сельхозинституту. То, что Анна была директором Информационного департамента при администрации губернатора Алынской области, а Толя возглавлял Инспекцию федеральной налоговой службы по Октябрьскому району, Жанна Петровна Мельнико-

ва воспринимала как пропуск в мир избранных. Что и понятно: она всегда мечтала о «внедрении» в городскую бизнес-элиту, но туда ее брать не хотели, несмотря на все ее мыслимые и немыслимые ухищрения в виде накладных ногтей и шляпки с вуалью. «Деревня!» — говорили о ней жены бизнесменов и многозначительно переглядывались. В отличие от своих мужей, никогда не пренебрегавших возможностью почесать с Жанкой язык и обменяться парой скабрёзных анекдотов, они Мельникову не любили и приписывали ей такие недостатки, после упоминания о которых человек должен полгода простоять на коленях в покаянных молитвах. Но Жанна не унывала, «держала хвост пистолетом» и продолжала работать над осуществлением мечты. Правда, пока безрезультатно. Но чем черт не шутит!

«Устрой меня в администрацию, — просила она Гольцову и сразу же предлагала вознаграждение: — Первая зарплата — твоя». — «А ты что, думаешь, у нас большие зарплаты?» — посмеивалась Аня. «У вас большие возможности и большие люди по коридорам ходят», — объясняла свое рвение Жанка и выпячивала вперед татуированные по контуру губы. «Господи, Жан, — отмахивалась от нее Анна. — Да зачем они тебе? И потом, они все женатые». — «Я тоже замужем», — напоминала ей Мельникова и кокетливо поправляла бретельку. «Тем более... — уходила от необходимости заняться ее трудоустройством

Анна и в глубине души жалела Николая Николаевича — хорошего, образованного мужика, возглавлявшего совместное предприятие по производству сухих кормов для животных. — От добра добра не ищут».

Сегодня произнести это вслух Аня не осмелилась.

— Че молчишь? — набычилась Жанна, оставленная подругой на полуслове. — Коляна жалко? Так ведь?

Анна кивнула в знак согласия.

— Правильно, желей. А тебе меня не жалко?

— Ну ты же знала, на что шла, — пожала плечами Аня, и снова перед ее глазами забрезжил многострадальный образ Николая Николаевича.

— Знала, — подтвердила Жанна. — Поэтому и не развожусь с ним. Оберегаю, так сказать, наше семейное счастье изо всех сил. В том числе и на стороне, потому что все нормальные люди знают: левак укрепляет брак. Не случайно французы говорят: «Хочешь сохранить отношения с женой — заведи любовницу». В твоём случае — любовника. Советую тебе. Для здоровья необходимо. Опять же — если мужик нормальный, то и материальное удовлетворение присутствует.

— А нормальный мужик — это какой? — заинтересовалась Аня.

— Нормальный — это как твой Гольцов, только с бабками.

— Мой Гольцов не по этому делу, — обиделась за мужа Анна и попробовала посмотреть на него Жанкиными глазами. Результат ей не понравился: Гольцов выглядел соблазнительно. Стало тревожно и показалось, что Жанна знает что-то такое про Гольцова, чего не знает она сама.

— Че, напугалась? — моментально рассекретила Аню Мельникова. — Не бойся. Просто глазыньки-то открой и вокруг себя посмотри. Новый появится — старый раздражать не будет. Прибежишь домой, душик примешь, чулочки спрячешь, ночнушку наденешь — и к Толику под бочок: «Здравствуй, милый. Как дела, милый?» — кривлялась Жанна. — Вот и увидишь: ты спокойная, он спокойный. Тишь да гладь, да божья благодать. Не семья, а загляденье. В общем, Анька, как хочешь, а мужик тебе нужен. Иначе вся жизнь насмарку.

— Можно подумать, без этого нельзя, — воспротивилась полученным рекомендациям Аня, испытывая чувство досады из-за того, что ничемный на первый взгляд разговор лишил ее покоя и заставил всерьез задуматься о той стороне жизни, которая прежде ее никогда не интересовала.

— Нельзя, — вздохнула Жанна. — Иначе на людей начнешь кидаться. Как собака.

— Знаешь, Жан, — Аня очень быстро пожалела, что поделилась своими переживаниями с Мельниковой, и попыталась увести разговор

в другую сторону, — я просто устала: губернатор недоволен, Толька в детство впадает, у Игорька — несчастная любовь... А я подстраиваюсь: «Вам так удобно? А так? А может, так?» Вот и срываюсь. А на самом деле — все нормально.

— Конечно, нормально, — с готовностью поддержала ее подруга. — Поэтому не бери в голову, а...

— Помолчи, пожалуйста, — Анна приложила палец к губам, и Жанка тут же повиновалась, хотя раньше пыталась сопротивляться Аниной строгости.

Вначале и, кстати, довольно долгое время Анна Викторовна Гольцова держала Мельникову на расстоянии, обращалась к ней, равно как и к Николаю Николаевичу, на «вы» и не шла дальше обмена номерами телефонов. Не найдя отклика в душе церемонной соседки, Жанна ринулась в обход и, заприметив во дворе возившегося возле машины Гольцова, тут же отправила на прогулку Николая Николаевича, нагрузив того щедрыми дарами, прибывшими из сельской местности: домашние яйца, шмат сала, пол-литра самогонки.

Растерявшийся Гольцов от подношений отказался, но спокойный и доброжелательный Николай Николаевич отмел прочь все возражения и даже донес пакет до подъезда.

— Видите ли, Анатолий, к этому, — он показал глазами на презент, — я лично никакого от-

ношения не имею. Жанна сказала, что с вашей супругой они обо всем договорились, та ждет, а наше с вами дело маленькое: один дал — другой принял. Пусть дамы сами разбираются.

— Пусть, — промямлил Гольцов и принял пакет из рук соседа.

— Неси его обратно, — не на шутку рассердилась Аня. — Никакой договоренности у меня с ней не было. — Назойливость Жанны была неприятна: ей — на дверь, она — в окно.

— Ничего я не понесу, — наотрез отказался Толя исполнить волю жены и, насупившись, уселся за кухонный стол.

— А че там у вас? — заинтересовался четырнадцатилетний Игорь и засунул руку в пакет. — Фу-у-у... — скривился он, как только увидел испачканные куриным пометом яйца. — Это че такое?

— Не че, а что, — автоматически поправила его мать и присоединилась к изучению содержимого пакета. Обнаружив в нем пол-литровую бутылку с самогонкой, она протянула ее Гольцову и криво улыбнулась: — Похоже, это для тебя.

— И это тоже, — быстро сообразил Игорь и принялся к запотевшему свертку: пахло соблазнительно. — Сало!

— И это, Анечка, ты заставляешь меня нести обратно? — Толя облизнулся и подмигнул сыну: — Может, ты сходишь?

— Я че, дурак? — Позиция Игоря сразу стала понятна. — Кто подарки-то отдает? Или сразу не бери, или уж... Короче, дареному коню в зубы не смотрят.

— Слышишь, Анечка, — расплылся в улыбке Гольцов. — Устами младенца глаголет истина.

— Хорош младенец, метр семьдесят три ростом, — проворчала Анна и отправилась к телефону, чтобы поблагодарить хлебосольную соседку, телефон которой отличался от ее собственного ровно на одну цифру. — Здравствуйте, Жанна, — спешно проговорила она, услышав задорный голос дарительницы. — Огромное спасибо. Сколько мы вам должны? — Ане никак не хотелось сокращать дистанцию.

— Вы че, с ума сошли? Нисколько! По-соседски, так сказать, если не хотите по-дружески. — Мельникова упорно гнула свою линию. — Сегодня — мы вам, завтра — вы нам. А самогонка, между прочим, — чисто слеза. Папочка сам гонит. Только для себя.

— Спасибо. — Гольцовой хотелось побыстрее свернуть разговор.

— Кстати, а вы как к шашлыкам относитесь? — Жанна строчила словно из пулемета, нелепо соединяя этикетное «вы» с простецкой интонацией так и не исчезнувшей в ней сельской жительницы. — Мы тут с Коляном подумали: поехали к нам в деревню?

— Куда? — В голосе Анны послышался испуг.